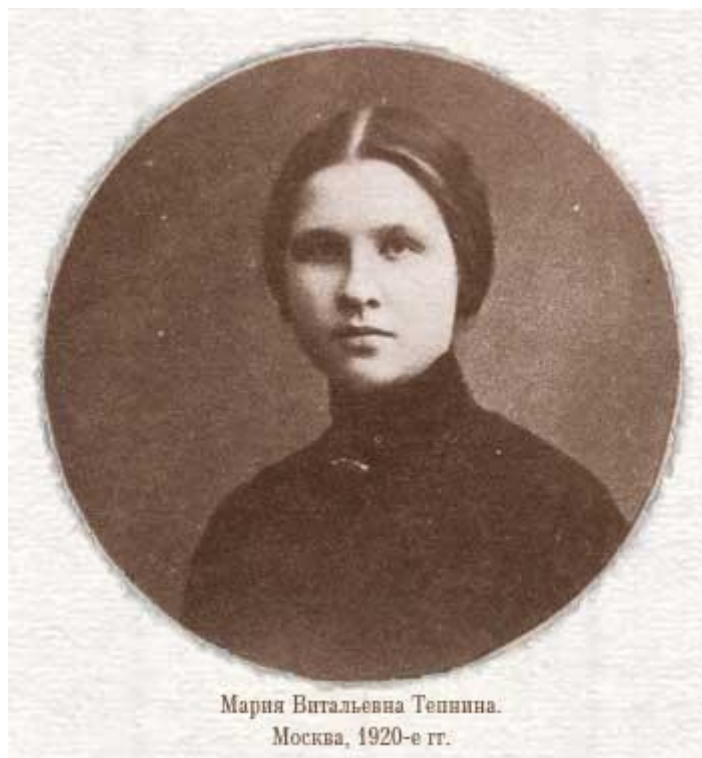

МУНИЦИПАЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ
КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР «ДУБРАВА»
ИМЕНИ ПРОТОИЕРЕЯ АЛЕКСАНДРА МЕНЯ

МАРИЯ ВИТАЛЬЕВНА ТЕПНИНА – ДРУГ СЕМЬИ МЕНЕЙ

СЕРГИЕВ ПОСАД
2014

Оглавление

Предисловие.....	2
Наталья Большакова. Памяти Марии Витальевны Тепниной	5
Воспоминания М.В. Тепниной.....	7
Интервью Михаила Юровицкого с М.В.Тепниной	13

Предисловие

Мария Витальевна Тепнина (1904–1993)

По образованию зубной врач, родилась и училась в Ленинграде. В 1911 году отец Марии Витальевны был репрессирован, и вся семья последовала за ним в Тамбов. В 1924 году они переехали в Москву. Она была прихожанкой архимандрита Серафима (Битюкова) и подругой мамы протоиерея Александра Меня Елены Семеновны и тети Веры Яковлевны.

На ее квартире иногда служил московский катакомбный пастырь-исповедник о. Владимир Криволицкий. Арестована в 1946 году, 5 лет ИТЛ и 3 года ссылки в Красноярском крае (осуждена была, как и многие верующие, за религиозные убеждения).

Когда вышел указ Сталина, что отбывшие лагерный срок политзаключенные остаются на вечное поселение, многие узники впали в отчаяние, и даже доходило до самоубийств. Мария Витальевна, услышав текст указа, только усмехнулась и сказала: «Тоже мне, нашелся господин вечности!». Через три месяца Сталина не стало.

В 1954 году была освобождена по амнистии, вернулась в Москву.

Годы, проведенные в тюрьме, лагере и ссылке, не только не сломили силы духа Марии Витальевны, но и укрепили ее на пути Любви и Служения. С детских лет Алика принимала активное участие в духовном воспитании маленького Александра и его брата Павла. Елена Семеновна и Вера Яковлевна доверили ей преподавание Священного Писания детям.

Мария Витальевна была удивительным зубным врачом. Лечила без боли, не применяя анестезии.

Всем своим существом до последнего своего дня она разделяла тревоги и радости судьбы отца Александра, став его духовной дочерью и пережив его на два года.

Она была связана с деятельностью отца Александра до самой его смерти. Ни одной службы его в Новой Деревне не только не пропускала, не накормив его, но и в дни различных треб она прибывала в храм, где скрупулезно заботилась о его питании. Эта маленькая пожилая женщина добывала для него необходимые продукты, привозила их из Москвы, готовила горячую пищу в крохотной кухне прицерковного домика. Особенно трудными были дни поста, но она умудрялась и в это время обеспечить его овощами и фруктами.

Она оберегала его благоденствие и покой всеми доступными ей средствами. После смерти родных у нее никого не было дороже отца Александра. С самого детства до конца жизни он был к ней глубоко привязан.

Некоторые считали Марию Витальевну слишком строгой и даже жесткой в некоторых случаях, но для многих она служит примером стойкости и большой внутренней собранности, свободной от внешних обстоятельств. Она воспитывала многочисленную паству отца Александра – ее не только слушались, ее словом очень дорожили. Но более всего Мария Витальевна воспитывала своей жизнью. Вся жизнь ее была исполнена подвижнической силы и готовности претерпеть любые испытания.

В последние годы жизни Александра, когда он получил возможность часто выступать перед множеством аудиторий, Мария Витальевна не пропускала ни

одного его выступления, невзирая на преследующие ее многочисленные недомогания. Его гибель, потрясшую сотни и тысячи людей, она сумела воспринять с высоко христианским подвигом смирения перед Божьей волей. Живя в Новой Деревне, близ Сретенского храма, где находится могила отца Александра, Мария Витальевна усердно следила за ее благоустройством.

«Он никуда не ушел, он всегда здесь — с нами...», – говорила она.

Умерла Мария Витальевна 28 апреля 1993 года.

«Она совместила в себе Марию и Марфу» – сказал на ее отпевании отец Владимир Архипов.

Мария Витальевна похоронена рядом с протоиереем Александром Менем в ограде Сретенского храма в Новой Деревне.

«Саша рос на моих глазах. Он был удивительным ребенком, очень талантливым. В не рано обнаружилась способность к обобщению. Я помню, когда ему было 4 года, он однажды потряс нас с матерью. Сам, без всякой помощи, написал на листке печатными буквами фразу из послания апостола Павла: «Не будь побежден злом, но побеждай зло добром». ... Он всячески избегал назначения на должность настоятеля, она связана с организационной работой, делопроизводством, а Саша был по призванию проповедник, духовный пастырь. <...> настоятель завидовал Саше, его проповедническому таланту. У настоятеля было какое-то нарушение ассоциативных связей, ему совершенно не удавались проповеди. И только однажды он произнес яркую проповедь – о зависти... Наверное, он понимал причину своего отношения к Александру сам этим мучился. Он постоянно писал своему непосредственному начальнику – митрополиту Ювеналию прошения о переводе отца Александра в другой приход. Но в конце концов митрополит перевел самого настоятеля, а Александра назначил первым священником».

Мария Витальевна Тепнина

Наталья Большакова. Памяти Марии Витальевны Тепниной¹

28 апреля 1993 года приход Церкви Сретения Господня в с. Новая Деревня (Московской области, Пушкинского района) лишился одной из самых преданных своих прихожанок, человека праведной христианской жизни – М. В. Тепниной. Она была той «солью земли», которая составляет силу и крепость Церкви. Вся ее жизнь была посвящена Богу и ближним. (См. «Под сводами «катакомбной» церкви», стр. 195, 196, 202, 203.)

Во времена, когда преданность Богу каралась «законом», М. В. была репрессирована как активный член «катакомбной» церкви и осуждена по 58 статье. 10 лет, проведенные в тюрьме, лагере и ссылке не только не сломили силы духа Марии Витальевны, но укрепили ее на пути Любви и Служения.

В 1954 г. М. В. была освобождена по амнистии, затем реабилитирована. Вернулась в Москву. Хотела принять монашество и уйти в монастырь (путь девства она избрала давно), но получила благословение жить в миру.

Она была удивительным зубным врачом. Лечила без боли, не применяя анестезии. П. В. Мень вспоминал, как он, не знавший других стоматологов, кроме М. В., не мог понять, почему люди боятся идти к зубному врачу, и, лишь попав однажды к другому стоматологу, он это понял.

Мария Витальевна была близким человеком семьи Мень, а Алику – воспитателем, а когда он стал священником, пришла в его общину и переходила за ним из храма в храм, из прихода в приход. Было радостно видеть их взаимную любовь. М. В. всегда бывала на службах о. Александра; ухитрялась покормить его, или дать ему с собой в дорогу еды, она старалась не пропустить его лекций, она воспитывала его многочисленную паству – ее не только слушались, ее словом очень дорожили.

Но более всего М. В. воспитывала нас своей жизнью, тем, как она участвовала в Литургии – это трудно рассказать, но, находясь около нее в храме, это можно было почувствовать; тем, как она относилась к людям, и – более того, она могла научить духовному отношению к событиям, к жизни, к смерти.

Когда был убит отец Александр, Марии Витальевне было 86 лет, и она знала его всю его жизнь, с 1935 года! Многие из нас боялись за М. В., пока ехали в Новую Деревню, узнали о гибели о. Александра. Когда я увидела, что М. В. жива, стоит и не плачет, в общем, такая как всегда, и мы обнялись, и я не смогла больше сдерживаться, она меня поцеловала и сказала: «Ему уже хорошо».

И я вдруг поняла – она любила его не для себя...

У христиан часто спрашивают: «Что это у вас за праздники такие: Усекновение главы Иоанна Крестителя или Усиление Богоматери? Разве можно праздновать, что хороший человек умер, или, тем более, что ему голову отрубили?...».

Глядя на Марию Витальевну на похоронах отца Александра, и в течение тех двух с половиной лет, что она прожила с нами после его ухода, можно было почувствовать, что такое Торжество Православия – праздник, который мы отмечаем в начале Великого Поста; что такое любовь о Господе; что такое преданность воле Божьей не на словах. «Господи, дай мне с душевным

¹ Наталья Большакова. Альманах «Христианос». №11. Рига, 1993. С. 217–218.

спокойствием встретить вес, что принесет мне наступающий день, дай мне всецело предаться воле Твоей Святой...

Во всех непредвиденных случаях не дай мне забыть, что все ниспослано Тобой!» – просим мы изо дня в день, а она так жила. Ее вера, ее упование наполнили ее удивительным миром, который умирал любые волны, поднимаемые жизненными ветрами. И потому вокруг нее спасались многие... Думая о ней, хочется благодарить Бога, молиться, радоваться и опять – благодарить!

«Мария Витальевна совместила в себе Марию и Марфу», – сказал в проповеди на отпевании о. Владимир Архипов.

Умерла М. В. в сознании, перед уходом видела Марию Египетскую. Причастилась, со всеми попрощалась, ее окружали прихожане Новой Деревни и о. Владимир Архипов. Последними словами ее были: «Всякое дыхание да славит Господа...».

Душа ее во благих водворится... Моли Бога о нас, дорогая Маруся.

Похоронили Марию Витальевну в ограде храма Сретения рядом с могилой о. Александра Меня.

Воспоминания М.В. Тепниной²

[...] Помню, отец как-то пришел с работы, собрал всю семью, позвал детей, бабушку и торжественно заявил, что монархия в России кончилась, что Николай II отрекся от престола, что теперь будет свобода. Все, чего добивались революционеры, все будет осуществлено: равенство, братство и прочее. Я, конечно, сразу увлеклась. Но прошло очень мало времени, и пришло разочарование. Как-то родители увидели, что начинают сбивать кресты с церквей. Кроме того, однажды из нашего сада я видела, как четыре человека гнали одного и нещадно избивали его. Крики и стоны несчастного раздавались по всей улице. Ну и все! Для меня все прелести революции кончились. Значит, то же насилие, то же!

Еще до отречения Николая II началась проповедь атеизма. Зимой 17-го года (я тогда была в пятом классе гимназии, последнем, который я закончила) наш законоучитель объявил нам, что митрополит Кирилл организует крестный ход по Тамбову – протест против атеистической пропаганды. Он призвал всех, кто считает себя верующим, явиться на крестный ход.

Я, конечно, загорелась. Но был трескучий мороз, и мои родители заявили: «Никуда не пойдешь, сиди дома». Мой отец был глубоко верующий человек, без молитвы никогда не садился за стол, я не помню, чтобы он не помолился утром и вечером, а в церковь не ходил совершенно. Это было типично для интеллигенции того времени. Бабушка, мать отца, ходила в церковь по воскресеньям. Мать была довольно вольнодумной. Я свое происхождение всегда оценивала отрицательно, очень четко видела в себе интеллигентские задатки и боролась с ними.

Когда потом мы собрались в классе и все рассказывали, как это проходило – необыкновенно светло, с таким вдохновением, – я, конечно, только слюнки глотала. Было очень много народа. Наверное, несколько тысяч. Митрополит Кирилл имел действительно большое влияние на весь Тамбов: и дворянство, и купечество, и, конечно же, крестьянство, и мещанство – все были целиком под его влиянием, кроме части интеллигенции вроде моих родителей.

Митрополит Кирилл был отправлен из Петербурга в Тамбов, потому что протестовал против совершения Великой Агиасмы³ на кипяченой воде (были какие-то случаи холеры, и Синод издал такое распоряжение). Будучи викарием, он единственный восстал против этого, говоря: «Где же вера?» (А моего отца выслали из Петербурга в Тамбов, вспомнив, что в студенческие годы на его курсе было какое-то возмущение).

[...] Когда началась советская школа, то все преподаватели и все педагоги должны были дать подписку о том, что они будут вводить материалистические взгляды. Это было до смешного! Потому что требовалось всунуть какие-то материалистические представления, пусть хотя бы это была арифметика. Душили цитатами, причем очень часто их перевирали, угощали одними лозунгами революционными.

Проучилась я в этой советской школе всего полгода, то есть даже не проучилась, а пробыла. Отец относился очень серьезно к нашему образованию. И через полгода он заявил, что эта школа ничего не дает и нужно оттуда детей взять.

² Василевская В.Я. Катакомбы XX века. М., 2001. С. 260–269.

³ Освящение воды на праздник Крещения Господня.

Потом мы занимались дома. Группы составлялись из детей друзей и знакомых, и педагоги приходили заниматься по домам. Это не всегда получалось, часто группы рассыпались, и тогда преподаватели из реального мужского училища и женской гимназии (видимо, уже пресытились советским способом преподавания) основали свою школу. Назвали ее «Школа повышенного типа». Там была лекционная система, принимались туда учащиеся из реального училища и из женской гимназии, которые окончили не меньше четырех классов.

Сначала школу уравнили в правах с так называемым рабфаком, и можно было после нее поступать в высшие учебные заведения без экзаменов. Но это продолжалось очень недолго. Явились какие-то комсомольские бригады, начали контролировать, заявили, что эта школа не годится, что она совершенно аполитична, что там только знают одни науки, а политически безграмотны, и что настроения и идеология в ней не годятся. В 21-м году школу расформировали, и осталась только советская школа, тогда девятилетка.

[...] Становление у меня началось после отъезда митрополита Кирилла из Тамбова в 18-м году (его отправили на Кавказ). Об этом тоже объявили в гимназии, это был такой плач по всему городу. Отец Тихон Поспелов (я называю его своим апостолом) старался поддержать все то, что митрополит установил. Каждое воскресенье вечером читался акафист святителю Питириму, после этого беседа, которая вся была основана на поучениях святителя Феофана Затворника. Моя старшая сестра бывала на этих беседах, и потом мне сказала о них. Ну, я вроде заинтересовалась, сходила один раз, и потом уже решила, что я должна ходить каждый раз. Причем к обедне я еще не ходила. Я тогда была членом скаутской организации и утром укатывала в лес, куда-нибудь на прогулку вместе со скаутами, а потом старалась вечером попасть к беседе в собор. Отец Тихон обыкновенно начинал свою беседу с евангельской темы таким образом: «Вы, конечно, сегодня слышали такое-то повествование в Евангелии». Сначала до меня не доходило, а потом как-то дошло, что надо и на обедне быть. И я постепенно отстала от своей скаутской организации и начала посещать храм. Я, как потом говорили, сама воцерковилась.

А первые гонения я испытала в семье. Такой протест был, не только со стороны родителей, но и со стороны всех окружающих – нашей интеллигентской среды. Такой поднялся просто вой, что «Марусю губит религия! Маруся отстает от жизни! Маруся все свои способности потеряет!» А меня с детства готовили в «знаменитости». Отец непосредственно не протестовал, а мать – она такая была очень непосредственная: «Ну! Хочешь ходить по церквам – уходи в монастырь!» И она во мне создала на долгое время какой-то протест против монастыря. Я такой вот еще девчонкой думала: почему? Почему христианство – я хотела быть христианкой — это достояние монахов? Почему я не могу, не будучи монахиней, в монастыре, быть христианкой?! Я помню, как уже в «Катакомбной церкви» наш духовник, отец Иеракс, мне один раз говорит: «Давай я тебя постригу?» Я говорю: «Нет!!! Не хочу». Он страшно удивился, потому что настроения у меня были совершенно соответствующие. «Не хочу!» Так он мне должен был рассказать всю историю становления монашества, для того чтобы меня примирить с монастырем.

[...] Во время «обновленчества» я была еще в Тамбове. Все священники должны были подписаться под распоряжениями «обновленцев», то есть дать свое согласие на то, что Церковь теперь будет идти новым путем содействия советской власти. Конечно, «неподписавшихся» было очень немного, но их сразу не репрессировали, просто исключали. Церкви закрывались и передавались «красной» церкви. На

своих местах оставались только те, которые подписывали. Мой первый духовный отец, отец Василий Кудряшов, служил у себя на дому.

[...] На Солянку меня как-то Бог привел. Это был 24-й год. На Кадашевской набережной жила моя подруга, еще с гимназических лет, которая с семьей раньше нашей семьи переехала в Москву. Я приехала к ней в гости. Я в это время уже регулярно посещала церковь, а тут такая обстановка, все спят, из дома не выйдешь. Но, в общем, кое-как в 10 часов я выбралась из дома и пошла искать церковь, где я могла бы заглянуть внутрь.

Я шла наугад. Около Устьянского моста пошла выше по Кадашевской набережной в сторону Москворецкого моста – попала на Солянку. Там одна церковь в середине была закрыта, я иду дальше и потом вижу – какая-то маленькая церквушка, вход открыт, я туда вхожу – там кончается какой-то молебен. Я постояла молебен – и решила, что вот это мое место. Первое, куда я попала. Потом оказалось, что это – как раз церковь Кира и Иоанна, где был настоятелем отец Сергей Битюгов (отец Серафим). Это было в начале лета, а к осени мы уже переехали – в день первого Спаса, 14-го августа. Поселились мы тогда в Лосиноостровской (нас вызвал младший брат моего отца). И я, конечно, сразу же устремилась на Солянку.

Несколько месяцев я ходила туда, с трудом ориентируясь в транспорте. Отец Серафим принял монашество, и очень скоро его сделали архимандритом, так что я его видела незадолго до его пострижения. Церковь на Солянке была очень маленькая, туда ходили люди одни и те же, духовные дети отца Серафима. К нему относились уже как к старцу, службы были такие, что, действительно, стоишь и не знаешь где ты, на земле или на небе. И люди жили этими богослужениями. Все праздники, все субботы, все воскресенья... Постом, можно сказать, не выходили оттуда. Хотя мне было это очень трудно, было время, когда я ходила тайком, потому что я еще тогда во власти родителей находилась. Мой отец очень строго следил за нашим воспитанием, в частности, за мной больше всех. И когда он узнал – ну я не скрывала этого – о том, что я прилепилась, как это называлось, к одной церкви, он побывал там и заявил: «Ходи куда хочешь, только не туда. Это скрытый монастырь».

[...] А другая община была «мечевская», она такая была известная, гораздо многочисленней. Я, например, когда несколько раз туда попала, то не захотела туда ходить. Потому что, несмотря на то, что все взгляды, обстановка, все было совершенно одинаковым, – там чувствовалась община. Свои – это одно, а к посторонним отношение совершенно другое. Нечленов общины как-то так, знаете, принимают не очень. У них было широкое знакомство, все они друг друга знают, друг друга поддерживают, одни убеждения, одни взгляды – одна жизнь. А в храме на Солянке было гораздо свободнее. Там такого разграничения особого не было.

В 28-м году отец Серафим уже ушел в затвор. Так что я его знала всего три года его служения там. Если бы он не ушел, его бы, конечно, моментально арестовали, потому что тут же арестовали молодого священника, отца Алексея Козлова, и дьякона и послали в ссылку. Оставался еще отец Владимир Криволицкий.

Отец Серафим ушел в подполье не из-за боязни быть репрессированным. Нет. Это был раскол церковный. Митрополит Сергей заключил союз с советской властью, подхватив то, что не сумели, вернее, не успели сделать «обновленцы». Он сделал заявление, что вся масса осуждаемого и репрессированного духовенства преследуется не за религиозные убеждения, а только за политические. Репрессии сразу же усилились, Соловки были переполнены духовенством. Тогда ведь

осталось 19 епископов на всю страну. Остались лишь какие-то группы. И когда митрополит Сергей объявил в церквях о поминовении властей, – вот тогда разделились: Маросейка отошла, Солянка, еще Даниловский монастырь.

Получилось так, что я отлучилась на некоторое время, когда в институт поступила в Ленинграде. Детей специалистов вдруг стали приравнивать к детям с рабочим происхождением, и мне разрешили тоже держать экзамен. Я выдержала его, но за отсутствием мест в Москве не была принята. И мне предложили место в Петербурге, тогда уже Ленинграде. Так я поступила в медицинский институт. На меня смотрели косо, присматривались ко мне, в газете один раз прокатили – видели, что я, проходя мимо церкви, перекрестилась.

На нашем курсе была одна девочка, что-то такое феноменальное в смысле пустоты. Ей было безразлично решительно все. И вот однажды она бежит по аудитории, держа в руках лист с фамилиями, и кричит: «Девочки! Расписывайтесь! За закрытие церквей и снятие колоколов!» Все расписываются, но когда она подходит ко мне, я просто вычеркнула свою фамилию и говорю: «Вот тебе моя подпись!» И об этом, конечно, стало известно. И, конечно, повод для исключения представился.

Это было первое надуманное сталинское дело, так называемое «дело Промпартии». Везде проходили митинги, во всех учебных заведениях, тем более высших, на них единогласно поддерживали приговор для участников этого дела – смертную казнь.

Я никогда политикой не интересовалась, но получилось так: я шла в институте по коридору, ничего не зная, не ведая об этих самых собраниях. И вдруг из одной аудитории выскочила как раз та самая девушка и кричит: «Чего ты тут гуляешь?! У нас собрание, митинг, а ты тут гуляешь!» И затащила меня в аудиторию. Там уже в самом разгаре был митинг, одна из девушек истерическим голосом выкрикивала: знаете, что было бы, если бы они совершили эту диверсию? – всё на свете как будто бы погибло. Было очевидно задано голосовать за смертную казнь. Кричат: «Ну, как голосуем? Единогласно? Единогласно! Все». Я помню, какое у меня было состояние – казалось, мне дурно станет. Я слышу: «Единогласно!» – значит, я все-таки голосую «за». Они это не спрашивали, не говорили даже: поднимите руки. Единогласно и все. Что же делать? Мне пришлось подняться и заявить, что я за смертную казнь голосовать не буду. И тут такой вой, крик поднялся, и тут же постановили, что мне нет места в институте, что меня нужно исключить. После этого несколько раз собиралась ячейка, и однажды меня призывают на эту ячейку и говорят, что, конечно с тобой говорить бесполезно, но если бы ты согласилась отказаться от своих взглядов (уже не говорили, чтобы подписаться за смертную казнь, а вообще от взглядов отказаться), мы бы тебе приставили человека, который бы тебя просветил, и оставили бы в институте. Но я им сказала, что они совершенно правы, когда сказали, что «говорить с тобой бесполезно», это правда – бесполезно. И меня благополучно из института исключили.

[...] В своей жизни я выделяю несколько периодов, которые называю «миллион терзаний». Так вот у меня «миллион терзаний» был, когда я в конце 20-х годов училась в Петербурге – некуда было ходить. В церкви, которые признали руководство митрополита Сергея, я не ходила. Для меня это было целой драмой, ведь богослужение стало для меня жизнью. Я иду, вижу – идет богослужение, и прохожу мимо. Страстная неделя, богослужение совершается, – я прохожу мимо, потому что там была эта «поминающая церковь». Такую установку давал митрополит Кирилл, который был назначен патриархом Тихоном первым

местоблюстителем. Он говорил, что кто понимает, кто знает Истину, тот должен стоять в оппозиции, потому что это единственный для нас способ свидетельствовать об Истине. Я эту свою линию выдержала.

Все это было на глазах старушки, свояченицы митрополита Кирилла. Когда я попала в Петербург, поступила в медицинский институт, я ни за что не хотела жить в общежитии, потому что со мной были мои иконы. И после долгих перипетий – скиталась по разным углам, у знакомых – меня, наконец, устроили, ни больше, ни меньше, как к родной сестре покойной жены митрополита Кирилла. Когда я жила у нее, она постоянно получала от него письма из ссылок, читала мне эти письма, посылала ему посылки. Я помню, как помогала ей с этими посылками, покупала громадные табачные ящики и собственноручно их переделывала на маленькие (тогда было очень трудно достать ящики). Вероятно, в письмах митрополиту она обо мне иногда упоминала. И не только поэтому, что я помогала ей, – она знала, что у меня был очень тяжелый период.

Митрополит Кирилл в лагерях не был: сначала тюрьма – потом ссылка. Кончается ссылка, он освобождается на какой-то коротенький промежуток времени, потом снова его арестовывают и посылают в новую ссылку. Так он изъездил всю Сибирь и Казахстан. В последний промежуток между его ссылками митрополит приехал, был в Москве и получил место, где он мог поселиться, – небольшой городок Гжатск. К нему ездила туда одна женщина, которая получала от него письма с описанием всех его ссылок (я с ней тоже была близко знакома). Со слов этой женщины, по дороге в Гжатск митрополит Кирилл прежде всего отправился для очного свидания с митрополитом Сергием Страгородским. А тот не принял его и предложил поговорить со своим секретарем, так и сказал: «Обратитесь, пожалуйста, к такому-то епископу, изложите ему все, что хотите, а он мне доложит». Конечно, он разгневался, ведь по завещанию патриарха Тихона митрополит Кирилл был назван первым местоблюстителем, таковым себя ощущал, но, будучи в ссылках, был не в состоянии вести управление Церковью. Когда появилась «Катакомбная церковь», митрополит Кирилл прислал из одной из своих ссылок послание, в котором писал, что «если эту Церковь, т. е. находящиеся в оппозиции отдельные (приходы), некому возглавить, то он их возглавляет».

Все три месяца в Гжатске он каждому желающему – будь он епископ, священник, мирянин, кто угодно – каждому, кто болел этим вопросом, готов был письменно или непосредственно разъяснить суть всего этого происходящего. Свою переписку с митрополитом Сергием он отпечатывал и раздавал (у меня тоже был экземпляр), где он объяснял суть происходящего и прежде всего обвинял Сергия в том, что он узурпировал верховную церковную власть и злоупотреблял этой властью, подчинив Церковь государству. Таким образом осуществлялся замысел Ленина о разорении Церкви изнутри. С этой целью сначала они подняли на щит «обновленцев», рассчитывая, что через них они разорят Церковь, но тогда народ был на высоте. Тогда действительно люди не ходили в эти храмы и называли их «красными храмами».

Когда митрополит попал в Гжатск, он вспомнил обо мне и просто сам пригласил, чтобы разъяснить мне, хотя бы постфактум. Это был 36-й год, когда я была у него. Это был, если хотите, единственный раз, когда я его видела. До того один раз, когда я была еще маленькая, бабушка взяла меня на службу, служил архиерей (митрополит Кирилл), и все подходило под благословение и целовали ему руку. И он как-то сам делал такое движение. И я, маленькая девчонка, говорю: «А зачем он подставляет мне свою руку?» Вот какой я была экземпляр! Это был

единственный раз, а потом я только слышала о его службах, потом устремилась на этот крестный ход – но не попала, и тем дело и кончилось, все мое знакомство.

После встречи с митрополитом я уехала из Гжатска в 6 часов вечера, спешила на поезд, а в 10 часов за ним пришли, снова арестовали и отправили в Казахстан. В Казахстане держали уже под домашнем арестом, до него почти никого не допускали. И ходил к нему только, видимо, какой-то провокатор.

В 37-м году митрополита Кирилла расстреляли.

Интервью Михаила Юровицкого с М.В.Тепниной⁴

– (...) У него было таким образом: вот он задаст несколько вопросов, а потом сидит и пишет. Пишет, пишет, страницу за страницей, а ты сидишь и молчишь. А под конец было таким образом – этот самый генерал, который заведовал, видимо, всем этим отделением следствий, это было уже в конце месяца, он входит, – а он был исключительно деликатен, всегда так разговаривал, иногда даже подсаживался, говорил, старался подойти таким образом: «Вы понимаете, что ведь вы умнее всех ваших содельцев, вы превосходите их во всех отношениях. Найдите с нами общий язык». Вот таким образом вел разговор. Исключительно был деликатен...

– *Мария Витальевна, вот вы говорите, вы чувствовали помощь Божью, как-то вас это спасало?*

– Ну вот, это два было очень ярких момента. Был такой момент, когда он (следователь) мне заявил: «Если вы завтра это не подпишите, то завтра ваши родители будут здесь». Это было, когда я должна была во что бы то ни стало написать, что я руководитель Ленинградского филиала...

Наверное, уже месяц кончался этого моего бесконечного собеседования ночного с этим следователем, ну и он мне заявляет – он не может от меня добиться чего следует, поэтому он получил распоряжение вот от этого зверя, который, видимо, руководил как раз методами воздействия, – изменить способ воздействия. То есть, попросту говоря, там уже стояла одна полоса о пытках. Какие там пытки, я уж не знаю, но, во всяком случае, вот он мне заявляет, что получил такое распоряжение. Только он мне это объявил – звонок по телефону. У него телефон стоит на столе. Я слышу по его репликам – он называет фамилию вот этого самого зверя, и разговор о том, что он уезжает, вызван почему-то в Германию, так сказано, такое низкопоклонство в его (следователя) тоне, потом соответствующие фразы – о том, что он принял к сведению... тут же открывается дверь, просовывается – не полностью даже вошел в комнату – просовывает голову генерал, который руководил всеми следователями этого отделения, и говорит: «Вам сообщили, что такой-то вызван за границу?» Ну, он говорит: «Да». «Теперь за всеми указаниями обращайтесь ко мне». И после этого даже какое-то смягчение произошло, он этими своими кулаками надо мной не жестикулирует, и потом, под конец, даже сказал такую фразу: «Эх, была бы моя воля, собрал бы я вас всех на необитаемый остров – живите как хотите».

– *И сколько вы там отсидели? В этой внутренней тюрьме?*

– Шесть месяцев.

– *Шесть месяцев. Никаких в этот период встреч с родными не было?*

– Передачи были. Потом по передачам видела, что делалось, что наступил голод. В конце концов начали мне передавать не то жареную, не то вареную картошку. Дали свидание перед отправлением уже... Следствие кончается, потом

⁴ Приходские вести 14, 2001, с. 43–52.

переводят в Бутырскую тюрьму в ожидании приговора или суда. Но никакого суда не было, потому что большей частью просто выезжала так называемая «тройка», когда тебе зачитывался приговор этой самой «тройки». Мне объявили приговор, заключение в лагерь, в сибирские лагерь. На пять лет. И всё...

Я ехала, это было под Рождество. Рождество меня застало на какой-то станции. Был это так называемый вагонзак, который прицеплялся к поезду, идущему, скажем, в Сибирь. Там, конечно были двери на замке. И в купе как в камеру запикивался народ таким образом, чтобы видели – а там узенький-узенький коридорчик – последнего человека конвоир впикивал, даже его коленями надавливал, чтоб он вошел туда. Вот, представляете, так это было набито. В туалет там выводили раз в сутки. И вот там менялись таким образом, что тот, кто дольше лежит на полу, перекладывается на первый этаж, потом на второй, потом на третий. И так менялись. Меня это Рождество застало как раз, когда я на полу была. Рождественская ночь наступала, какая-то небольшая стоянка была, стояли мы на какой-то станции. Вот так я встречала Рождество.

– Как вы вообще эти первые шесть месяцев-то перенесли? Унывали или нет?

– Ну, как я могла унывать, когда я на каждом шагу чувствовала, что приходит какое-то облегчение или избавление; и я до сих пор всегда говорю о том, что я попала туда и была там не для того, чтобы самой пострадать, а для того, чтобы видеть страдания людей, и видеть что-то, что делалось, а я сама все время была в каких-то облегченных условиях. Вот даже то, что по благословию отца Серафима я сделалась зубным врачом, меня спасло в лагере от этих общих работ. Это был сельскохозяйственный лагерь.

– Где он находился?

– Сначала я была в Мариинске Кемеровской области, а потом в ссылке была в Красноярском крае. Так вот в Мариинске, когда я попала туда, со мной... вы знаете такую, слышали о Вере Алексеевне Корнеевой?

– Да, я ее знаю хорошо.

– Она моя однодельница.

– И вы что, вместе жили даже в лагере?

– Одно время. Но мы не встречались, в разных отделениях были. Она вынесла все. Все трудности – и голод, и эти общие работы, и все. А я себе сидела, внутри этой пересылки – такой пересмотрочный пункт был, и там организовывала зубной кабинет, и работала в таких сносных условиях.

Когда мы приехали туда, был день преподобного Серафима. Нас встретил мороз в 45 градусов. Но сначала, прежде чем впустить в зону, там проходят санобработку. И вот я тогда испытала, что такое баня по-сибирски. В зону не пускают, в каком-то бараке собирались, где ждут, когда через эту баню пропустят. Мы там сидели ровно двое суток, потому что баню никак не могли разогреть, и когда мы в эту баню вошли, то стены были покрыты инеем, водичка была чуть-чуть теплая, давали по одному тазику. Называлось все это «санобработка». Как

хочешь там с этим тазиком мойся, тебя уже впустили в зону. Впускают, и начинается, как они это называют, комиссовка – врачебная комиссия. По состоянию здоровья определяют – куда как. И там в этой комиссии всегда участвуют врачи, заключенные. И они всегда, особенно если узнают, что человек имеет какое-то отношение к медицине, стараются облегчить... Распределяют по баракам; в моем вот этом вагонзаке были очень симпатичные две женщины, с которыми я потом попала в одну зону. Но их загнали в барак, а меня...мне вдруг говорят: «Мы вас кладем в стационар». Я была абсолютно здорова. «Ну как же, – у вас было дорогой... – они расспрашивать начали, – ...гриппозное состояние?» – Я говорю: «Может быть». – «Заразительно для других? Нет-нет, вы должны идти в стационар. Там несчастная какая-то заключенная девушка целый день сидит и дует, чтобы разогреть печку углем и сырыми дровами, – никак не разжигается. Но все-таки температура такая, что переносить можно. Таким образом я опять попадаю в такие облегченные условия.

Самое страшное слово было «этап». Зимой тем более. Пешком. На этой пересылке люди находились некоторое время, а потом посылали на этап, разгоняли по отделениям. Как только узнали, что я зубной врач, стали требовать со всех отделений: «Давай нам врача зубного, давай нам зубного врача!» Они, правда, конечно, больше заботились об обслуживающем персонале вольном, чем о заключенных...

Когда я еще была в стационаре, меня только ввели в палату – и тут вдруг какие-то две женщины говорят: «Идите, идите сюда! Мы немножечко потеснимся», – там даже по двое теплее, – значит, меня сразу позвали; оказалось, что там какие-то две монахини были. Они мне потом говорили, что, когда я вошла в камеру, то они сразу определили, что я одного духа... Это были просто старушки. И потом этих старушек – они лежали там, они действительно были больные – отправили в барак. Там в бараке были так называемые «кабины», они завешивались одеялами, одна от другой отделялась... И вот две монахини в такой кабинке выставляли самодельные иконы и там молились, ну и меня приглашали тоже. Я к ним туда приходила.

Было начало Великого поста. Они по памяти что-то такое пели, читали. Ну, конечно, раз начался Великий пост, – «Покаяния отверзи ми двери...» Я к ним туда пришла, с ними там молились, закрывшись этими самыми одеялами, и потом вдруг – прошло довольно много времени, я уже собиралась, кажется, возвращаться, – врывается в этот барак какой-то разъяренный конвоир: «Где она??? По всей зоне ищем ее целый час и нигде найти не можем!» Это, значит, меня искали. А я себе благополучно с этими монахинями тут... Подхватил меня и так довольно невежливо вытолкнул: идите скорей в стационар, там требуют, чтобы обязательно переоделись. Я прихожу туда, в этот стационар, пока я там раздеваюсь-переодеваюсь, сдаю это казенное белье – в это время какой-то другой конвоир приходит: «А, всё, брось». И так ушел. Не дождался. Таким образом, вот я и говорю, в какие-то острые моменты я избавлялась как-то. Тогда вот с этим следователем, когда он мне объявил, что переменится метод следования...

– Жизнь в лагере была очень суровой вообще?

– Ну, вообще она была суровой... В стационаре, конечно, мне было лучше, а потом мне организовали кабинет. Он, вернее, был, но там какая-то была женщина, которая – не знаю, вряд ли она была действительно зубным врачом, она, наверное, была какой-нибудь сестрой в зубном кабинете, – она только, собственно говоря,

портила всем зубы, и ни одного зуба не залечила; начинала лечить, сверлила, что-то делала, но не вылечивала, получались там всякие абсцессы и все, и зуб нужно было удалять. Каждое лечение кончалось тем, что этот зуб в конце концов удалялся. Ну вот, и меня сейчас же туда посадили. Мне, конечно, мои ленинградские друзья помогли. Они мне присылали все необходимое, и эти инструменты, – ножная машина там была, конечно, бормашина, – а так, необходимые медикаменты, мелкие инструментари, все они мне присылали. Фактически я оборудовала кабинет с помощью моих друзей. И в конце концов получилось так – я получаю посылки со всякими лекарствами, с инструментами, – ко мне уже стали относиться так... посмотрят сверху, а там особенно до конца не проверяют. Я получила и Евангелие таким образом, и иконы, у меня до сих пор стоит эта икона, «Нечаянная Радость», мне Елена Семеновна прислала фотографию с иконы «Нечаянная Радость»... и так все потом проскакивало, мне, например, на дизеле присылают крещенскую воду в пузырьке, отец пишет – «аqua...» – а они там ничего не понимают, aqua и всё.

– Мария Витальевна, а кроме вас, были там другие врачи и медсестры?

– Были, конечно. Был стационар... Вот с этой Верой Алексеевной там был очень интересный случай... В стационар в качестве медсестры попала еще одна наша однодельница. И она, конечно, эту Верочку очень жалела, что Верочку отправили на работу тяжелую, голодает, на таком пайке... Ведь их там держали так, что – если бы до заключенных доходило то снабжение, которое посылалось и получалось откуда-то, с каких-то баз, то можно было бы это пройти, не голодать, но дело в том, что всё это, конечно, расходилось, присваивалось обслуживающим персоналом. У нас был такой заведующий санчастью, между прочим, из заключенных тоже. Он был мужем заведующей санчастью. В кухню приносят продукты – он всё разбирает.

Был такой случай, мне повар рассказал, – он: «Сливочное масло это заключенным сейчас переправить, вот таким образом», – но, конечно, голодали. Ели так называемую баланду. Так называемый «гремучий горох» – это дикий горох. Он зеленый. Сколько его ни вари, он все равно остается твердым, как камешки. Это называли «гремучий горох», и ели люди. Я, например, со своим кишечником не могла этого, поэтому я до какой-то степени, конечно, была тоже ограничена в питании, просто потому, что я эту пищу не могла есть; а люди ели великолепно, еще и дрались из-за этой баланды – кому какая миска, кому больше досталось. Вот приходят голодные, усталые с работы, вот разливают им эту самую баланду... Исхудала она! Когда была какая-то очередная комиссия медицинская. то врач – там раздевали, исследовали – говорит: «А посмотрите на этого худого цыпленка!» Она была – только кости, торчащие из-под кожи. И вот эта медсестра, наша однодельница, наверное, в хороших отношениях была с заведующей, с врачом – и она договорилась, чтобы эту Верочку взять в стационар в качестве истопника, что-то в этом роде. Спасти ее, зимой тем более... нет, это, кажется, не зима была – осень или что-то в этом роде, во всяком случае, общие работы еще, полевые, производились. И она решила ее спасти от этого, договорилась. Врач этот ее вызывает и говорит, что вот, вам предлагается с общих работ перевод сюда в стационар в качестве истопника или кого-то там; значит, получше немножко питание, в тепле (в относительном, конечно, какое там могло быть – Сибирь...) Но она выслушала и говорит: «А отказаться можно?» Врач, конечно, изумленно на нее смотрит: «Ну, знаете что, если вы круглая идиотка, то, конечно, можно». Верочка

говорит: «Ну я тогда отказываюсь». И отказалась... Почему? Она говорит: «Когда мне это объявили, я себе представила, что я буду сидеть в этом бараке, в четырех стенах – я не увижу неба!» Ну, ее отпустил, и врач этой медсестре выговаривал: «За кого вы хлопотали?! За какую-то идиотку».

...А другая была известная община – мечевская. Она была гораздо многочисленней – там было больше ста. Я, например, когда несколько раз туда попала, то я не захотела туда ходить. Потому, что там, несмотря на то, что все взгляды, все установки были совершенно одинаковы, – там чувствуется так – община, понимаете? – все. Свои – это одно, а к посторонним отношение совершенно другое. Не членов общины как-то так, знаете, принимают не очень. У них широкое знакомство, все они друг друга знают, ну вот как теперь у нас, у отца. Все друг друга знают, поддерживают, одни убеждения, взгляды – одна жизнь. А в храме на Солянке было гораздо свободнее. Там такого разграничения особого не было.

– В этой общине на Солянке отец Серафим был один или там еще были священники?

– Да, были, конечно, священники. Когда я туда попала – он не был еще иеромонахом, но это было всего несколько месяцев. Меня просто как-то Бог привел. Был 24-й год. Я только что приехала из Тамбова. Даже еще не переехала. А тут, на Кадашевской набережной, жила моя подруга, еще с гимназических лет, которая с семьей раньше нашей семьи переехала в Москву. Я приехала к ней в гости. В это время я уже регулярно посещала церковь, без богослужений, конечно, не обходилось, – а тут приехала к подружке, и там такая обстановка – воскресенье, все спят, из дома не выйдешь. Кое-как выбралась из дома и пошла искать церковь, где я могла заглянуть внутрь. Я шла наугад, Устьянский мост... Около него вышла выше по Кадашевской набережной, прошла в сторону Москворецкого моста и попала на Солянку. Там одна церковь закрыта, в середине, она даже как-то раздваивала эту улицу, – церковь Рождества Богородицы, ее снесли. Она была закрыта, я иду дальше и потом вижу – какая-то маленькая церквушка, открыт вход, я вхожу – там только кончился какой-то молебен. Служба уже кончилась. Я постояла около этого молебна и решила: вот это мое место. Первое, куда я попала. Потом оказалось, что это – церковь свв. Кира и Иоанна, где был настоятелем – тогда он был еще не о. Серафим, а о. Сергей Битюгов. Это было в начале лета, должно быть, а к осени мы уже переехали – в день первого Спаса, 14 августа. Ночью выехали и утром приехали в Москву, и поселились мы тогда в Лосиноостровской (нас вызвал младший брат моего отца). И я, конечно, сразу же устремилась на эту Солянку. Несколько месяцев я туда ходила, с трудом ориентируясь в транспорте, тогда были, конечно, только трамваи.

Кажется, была в этот день служба утром и вечером. И вот утром – или накануне? – о. Серафим служил в своем обыкновенном виде, на другой день вечером он приходит уже иеромонахом. И потом очень скоро сделали его архимандритом. Он принял монашество, так что я его видела незадолго до его пострижения... Тут ходили люди одни и те же, духовные дети о. Серафима. Церковь на Солянке была очень маленькая. Она всегда была наполнена... Как у отца сейчас...

– Гонения были уже сильны в этот период?

– Ну конечно. В 27-м году о. Серафим уже ушел в затвор. Так что я его знала с 24-го – всего три года его пребывания там... Если бы он не ушел, его бы, конечно, моментально арестовали, потому что тут же арестовали священника, дьякона... Тут у меня получилось так, что я отлучилась на некоторое время, когда я в институт поступила в Ленинграде. В 27-м году – он только что ушел в затвор – после него остался молодой священник младший, отец Алексей Козлов; и очень быстро – только что поступила в институт, – арестовали его и дьякона, и послали в ссылку... Их было там три священника. Оставался еще отец Владимир Криволицкий. А причиной было – не то, что он ушел из-за боязни быть репрессированным. Нет. А это раскол церковный. Когда митрополит Сергей (он потом стал патриархом) предал Церковь под власть государства – в 27-м году была знаменитая декларация его, где он так обращался к правительству: мы не настроены враждебно, а ваши радости – наши радости; объявил в церквях о поминовении властей, это было им введено, – вот, когда разделились – Маросейка отошла, Солянка, еще Даниловский монастырь. Был такой – тоже на Лубянке застрял материал замечательный – один из священников, который служил на Солянке, о. Владимир Криволицкий, – замечательное написал исследование этого времени. Таким образом, эти «отошедшие» от разрешенной советской властью линии церковной – как это называется...

– *Обновление?*

– Нет. Это митрополит Сергей продолжил то, что делали обновленцы... Обновленцы хотели разложить церковь изнутри, и всячески способствовали власти советской. Но их дело провалилось. И провалилось, главным образом, из-за того, что тут вот, действительно, русский народ еще был русским народом. Он еще не превратился в советский народ. И масса верующая интуитивно совершенно не принимала обновленцев. Был расстрелян из-за этого митрополит Вениамин... Там особенно как-то сильно было такое брожение, в Ленинграде. Но и везде. Я тогда еще в Тамбове была. Там то же самое получилось – все церкви сделались обновленческими, кроме одной. Получалось так: утром церковь закрывается, вечером она открывается, но уже отдана она обновленцам. А народ, как правило, не шел в эти церкви. И называл их «красными». «Красная церковь – туда не ходи!» Вот это уже интуиция. Потом, конечно, было очень усиленное противодействие – митрополита Мануила (Лемешевского), вы читали что-нибудь о нем? О митрополите Вениамине, который был расстрелян... Все это движение потерпело поражение. И народ его не принял... И потом держались Патриарха, теперь святого...

А вот у этого митрополита Сергея (Страгородского) получилось успешнее дело... Он заключил союз с советской властью. Репрессии начались – настолько сразу усилились... Он такое заявление сделал, что вся масса осуждаемого и репрессированного духовенства, – она не за религиозные убеждения репрессировалась, но только за политику. И тогда ведь осталось 19 епископов на всю страну... Тогда ведь эти Соловки – все это было переполнено духовенством. Это все таким образом предано. И остались лишь какие-то группы...

– *То есть его союз даже способствовал тому, что все епископы были...*

– А как же... Ну конечно. Тогда пошла волна репрессий... При Патриархе это как-то опротестовывалось – а он заявил, что да, пожалуйста, расправляйтесь с ними,

они вовсе не за религиозные... – они идут не как «религиозники»... так их называли тогда, – а за политические преступления. Им предъявляли, конечно, каждый раз обвинение политическое, антисоветская работа и все. И поэтому группа отошедших не приняла митрополита Сергия и его возглавления. А было распоряжение такое патриарха Тихона, по-моему, двадцатого года; он на этом чрезвычайном совещании собрал иерархов и – собственно говоря, он как бы предвидел всю судьбу церкви дальнейшую; и все время шла речь о расколе, и о том, что вот церковь парализуется, – что если будут, скажем, арестовывать, – будет репрессирован или изъят, как там говорилось, епископ данной епархии, – то епископ соседней епархии берет под собой (свое руководство)... его репрессируют – еще как-то тогда расширяется; и в конце даже такая была оговорка, что если наступит крайняя дезорганизация церковной жизни, то благословляется служение по домам... Вот вам, пожалуйста, уже было предвиденье катакомбной церкви... И когда на этом совещании Патриарх назначил Собор и – где патриарх избирается, – он, предвидя, что невозможно будет Соборы собирать, невозможны будут соборные выборы, – он себе назначил, это было в виде исключения, он сам назначил кандидатов, трех местоблюстителей. То есть – патриарха уже не будет, а будут местоблюстители. Первым он назвал митрополита Кирилла (Смирнова), вторым – митрополита Агафангела (Преображенского), и последним – митрополита Петра. На случай своей смерти... Когда патриарх умер, митрополит Кирилл был в ссылке, митрополит Агафангел через несколько месяцев тут же был арестован, тоже куда-то отправлен, и оставался только еще на свободе один митрополит Петр и, тоже вскоре, его заключили в тюрьму. А митрополит этот Сергей (Страгородский), он был его заместителем, и так он потом первое время назывался – заместителем патриаршего местоблюстителя... Ну и тут же он вдруг пошел на союз с советской властью, тут же начали поминать его как местоблюстителя. И одновременно ввели вот эту форму поминовения властей. Ну и, конечно, вот эти, «отколовшиеся», – они продолжали, несмотря на то, что заключенного, – но продолжали поминать главу, патриаршего местоблюстителя Петра. А в этих церквях, они потом стали называться «сергиевскими», уже по его распоряжению поминали митрополита Сергия и – одновременно – ввели эту форму поминовения властей. И это еще ладно – на ектении поминали. Но вот поминали во время совершения евхаристического канона... Вот в чем дело страшное-то... Это одновременно получилось. Они не приняли возглавления митрополита Сергия, – и, значит, никаких его распоряжений. То есть власти, они тоже не поминались – и на ектении тоже это не было введено. Народ так и окрестил – «непоминающие». Вот эти «поминающие», а эти «непоминающие». И затем они путались, не разбирались в том, что это митрополита Сергия так поминают, а это митрополита Петра – значит, тут власти поминают, а тут власть не поминают. «Непоминающие» – которые не поминают власть.

– И где первое время отец Серафим скрывался и где он совершал Литургию?

– Не первое время, а все время, от начала до конца в Загорске

– Это был дом кого-то из его друзей?

– Да, монахини, дивеевской монахини. У него ведь большая связь была с Саровом и с Дивеевом... И там были монахини, которые потом до конца его жизни с

ним жили. Вот одна монахиня там была, она жила не в монастыре, а в миру, это был дом в Загорске... Он в этом доме и служил... жил, и принимал. Третьего сентября там, в этом домике, в громадной такой кадучке крестилась Елена Семеновна и одновременно ее старший сын... Там же крестилась Вера Яковлевна.

– Может вы подробнее что-то именно о нем расскажете, об отце Серафиме?

–... Церквушка маленькая, была переполнена, как у нас в Деревне. Я имею ввиду церковь Кира и Иоанна, где я его застала. Там все были его духовные чада, к нему относились, как уже к старцу. Я тогда была еще... из меня интеллигентщина лезла во все поры, я относилась к этому даже немножко скептически, что вот приходят, играют в старцев... Причастников столько – хотя был еще священник, другой, но если отец Серафим исповедует, – то, пожалуйста, стоит до самого выхода очередь и интервал перед причастием – это добрый час, а то и больше. Ну, и отец Серафим говорил: стойте и Иисусову молитву читайте, тот, кто не причащается или кто ожидает. Службы были, конечно, твердо по уставу, без всяких пропусков. В записках Веры Алексеевны тоже есть... Хор подбирался не по голосам, не по каким-то способностям вокальным. Вот и Верочка туда попала, но у Верочки хороший голос был... Службы были такие, что действительно так стоишь и не знаешь где ты, на земле или на небе. И люди жили этими богослужениями. Вы понимаете, я туда ведь только что пришла, я очень любила театр... Еще тогда были театры... последнее, что я, кажется, захватила, это еще в тридцать шестом году, по-моему, – нет, раньше, – была постановка о Невидимом граде Китеже... Замечательная постановка была, опера... Когда автор поставлял эту самую оперу, он писал, что – считаю постановку оперы невозможной без определенного количества каких-то голосов, и музыкального такого сопровождения (потом, конечно, это уже не соблюдалось, и такого сопровождения музыкального уже нельзя было осуществить) – и без определенного количества, набора колоколов. Был колокольный звон. Так вот, если нет такого набора колоколов, считай оперу невозможной для постановки. Но потом этого колокольного звона, конечно, такого не было... Тем не менее, через некоторое время он эту оперу поставил. Последняя опера, на которой я была. И вы знаете, я тогда настолько этим увлекалась, что всю оперу я простояла на ногах. Я не могла сидеть, понимаете?

– Это в Большом театре?

– В Большом театре. Я как встала там – словом, я не могла сидеть, а стояла, слушала стоя... Я так любила театр – и, в конце концов, я очень быстро на Солянке отстала от театра. Каким образом? В субботу – всенощная; я не могла любимую оперу, любимую драму предпочесть всенощной.

– Вы часто ходили в храм?

– Ну конечно! Все праздники, все субботы, все воскресенья... Постом, можно сказать не выходили оттуда. Хотя мне было это очень трудно, было время, когда я ходила тайком, потому что я еще тогда во власти родителей находилась... Мой отец очень строго следил за нашим воспитанием, в частности за мной, больше всех, потому что я выделялась среди своих сестер и больше всего ему, так сказать, всяких... – он со мной воевал с самого детства.

– Вы виделись со своими друзьями и где-то вне храма?

– Только в храме. Но дело в том, что он следил за моим поведением, за моими увлечениями с детства. Я в своем развитии – я почему говорю – эта самая интеллигентщина во мне сидит, – я как вот эмбрион, проделала все стадии развития этой интеллигенции. Больше всего я застряла на народничестве. А мой отец был типичным интеллигентом XIX и начала XX века... И вот, когда он узнал – ну я не скрывала этого – о том, что я прилепилась, как это называлось, к одной церкви, он, конечно – он был верующим человеком, – он побывал там и заявил: «Ходи куда хочешь, только не туда. Это скрытый монастырь».

Когда я пришла к церковной жизни, такой был кругом протест: всякие прежние знакомые, друзья семьи, приходили к моим родителям и говорили: «Марусю губит религия. Маруся отстает от жизни!» Это 20-е годы, то есть 18-й год... Но отец – он был глубоко верующим, конечно, непосредственно не протестовал против, – только, вот, против того... А мать моя – она такая была очень непосредственная – так она: «Ну! Хочешь ходить по церквам – уходи в монастырь!» А отец, видимо, хотя этого не говорил, но и очень боялся. И она во мне создала какой-то на долгое время протест против монастыря. Я такой вот еще девчонкой думала: почему? Почему христианство – я хотела быть христианкой – почему христианство – это достояние монахов? Почему я не могу, не будучи монахом, в монастыре, я не могу быть христианкой?! У меня такой протест был.

Я помню, когда я уже в катакомбной церкви была, отец Иеракс, иеромонах, последний священник, при котором закрылся этот храм и которого в такой критический момент, когда храм остался без священника, прислал из Загорска отец Серафим, он был нашим духовником и всей семьи Мень, служил в Лосинке на чердаке у Веры Алексеевны; однажды держал трехлетнего отца Александра на руках и, когда после литургии подходили к кресту, он взял его на руки, дал ему крест в руки – сам его держал на руках, а все прикладывались к кресту, который держал отец Александр трехлетний; так вот он мне – потом был моим духовником, говорит: «Давай я тебя постригу?» Я говорю: «Нет!!! Не хочу». Он страшно удивился, потому что настроения у меня были совершенно соответствующие. Так он мне должен был рассказать всю историю становления монашества, для того, чтобы меня примирить с монастырем, против которого у меня был протест – почему, если хочешь быть верующим, тебе надо удаляться в монастырь...

...Я попала в такие условия, что я могла бывать у Веры Алексеевны, где служил отец Иеракс. Катакомбная церковь... солянские в церковь не ходили... То есть: Солянки нет. Куда идти, понимаете? И вот, конечно, очень многие были без такой духовной пищи, они не имели богослужений. Между прочим, я выделяю в своей жизни несколько периодов, которые называю «миллион терзаний». Так вот у меня «миллион терзаний» был тогда, когда я была в Ленинграде, когда училась в медицинском институте. Некуда было ходить, понимаете? Я иду, богослужение совершается, Страстная неделя, – я прохожу мимо церкви, я туда не иду. Понимаете? Потому что там была эта «поминающая церковь».

Все знали, насколько я жила богослужением в свое время – тем людям было понятно. И, тем не менее, я это выдержала. Такую установку давал митрополит Кирилл, который был первым местоблюстителем назначен патриархом Тихоном. Он из ссылки говорил о том, что если – считали так, что это как раскольники, – они отошли от церкви, – значит, они лишаются благодати. У них нет возглавления, у них разрыв с Церковью. Тогда митрополит Кирилл из своей ссылки дал указания,

что если этих, эту группу «непоминающих», всех вместе взятых, некому возглавить, – «то я ее возглавлю». Он имеет все права, хотя он связан по рукам и ногам, и не служит, – но тем не менее, идеологически все имеет; как иерарх он брал возглавление над этой церковью катакомбной. Ведь и в катакомбной церкви были такие, которых мы даже не знали.

Вот тут есть замечательное описание жизни иеромонаха Арсения. Там тоже были отдельные группы, мы даже и не знали, тем более в разных городах. У нас был такой еще ход – вот Елена Семеновна им пользовалась, там мы с ней и встретились; благословение отца Серафима не ходить в эти церкви... а куда же ходить? В греческую церковь. Тогда она еще была, и мы ходили в греческую церковь. Там мы с Еленой Семеновной встретились, хотя были знакомы заочно через Веру Яковлевну. А на Солянке молодежь – Тоня... она была даже, так сказать, коренная солянская, была даже помощницей старосты, а староста там была монахиня... тоже, конечно, духовное чадо отца Серафима. Она работала с Верой Яковлевной в одном учреждении. Вера Яковлевна была психологом. Они были молодыми еще, и одновременно лишились матерей, и вот они как-то на этом горе очень сошлись. И Тоня стала – горе Веры было безысходное – ей потихонечку рекомендовать обращаться к отцу Серафиму. Хотя она была не крещеная, еще она ничего не знала, но она говорила, что, вот, у меня есть знакомый, которому ты можешь поведать свое горе, свои мысли, все, он тебе поможет, объяснит что-то такое, облегчит. А что он архимандрит – она не знала этого. Она с ним начала переписку.

И действительно, вот таким образом он ее наставлял всячески. Не то чтобы он ее приводил к вере, но на все ее переживания он давал ей ответы, ну а потом постепенно стал ее подводить. У нее этот процесс занял гораздо дольше, чем у Елены Семеновны. А Елена Семеновна вслед за этим – она читала, вероятно, переписку Веры Яковлевны... И когда у нее родился отец Александр, она так непосредственно сразу... У Елены Семеновны... вы не читали ее «Мой путь», описания? Почитайте... Так у нее было стремление к крещению с детства, но оно никак не осуществлялось. Стремление быть христианкой у нее возникло тогда, когда она была во втором классе школы. Они жили тогда в Харькове, а там сохранилось еще преподавание Закона Божьего, сохранялось еще года два после революции. И мать ее была учительницей. К ним приходили девочки, подружки, репетировала их ее мать. И вот одна подружка как-то забыла учебник Закона Божьего. Очевидно, Новый Завет. У нас было так в гимназии: первый класс – Ветхий Завет изучался. По специальным таким, приспособленным детским, с иллюстрациями, переложениям, Евангельской истории и Ветхого Завета. В первом классе был Ветхий Завет, во втором Новый, в третьем – богослужение. В четвертом и пятом – катехизис... Ну так вот, она, по-видимому, учебник Нового Завета оставила, она была, наверное, второклассницей, забыла...

Муниципальное учреждение культуры культурно-просветительский центр «Дубрава»
имени протоиерея Александра Меня
141308 г. Сергиев Посад Московской области, микрорайон Семхоз, ул. Парковая, д. 16
Тел.: +7 (496) 545-75-75
www.radubrava.ru

